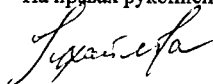


САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи



003480922

Михайлова
Ирина Михайловна

**Мифологизация русской истории
в художественном творчестве Д. С. Мережковского:
роман «Антихрист (Петр и Алексей)»**

Специальность 10 01.01 – русская литература

22 Окт 2009

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель.

кандидат филологических наук, доцент
Иезуитова Людмила Александровна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Гордович Кира Дмитриевна

доктор филологических наук, профессор
Зобнин Юрий Владимирович

Ведущая организация: Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

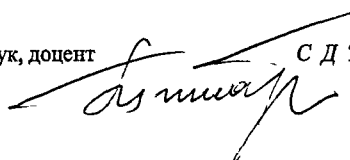
Защита состоится «19» XI 2009 года в 17³⁰ часов на заседании совета Д 212 232 26 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11, факультет филологии и искусств, ауд. 25

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

Автореферат разослан «14» X 2009 года

Ученый секретарь совета

кандидат филологических наук, доцент

 С. Д. Титаренко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Роман Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» (1905), как и вся трилогия «Христос и Антихрист», которую он замыкает, стал этапом развития жанра русского исторического романа XIX – XX веков. Основой его сюжета стали исторические события эпохи Петра Великого.

В данной работе изучение этого произведения осуществляется, с одной стороны, как исследование сложного комплекса этических, этнографических, культурно-исторических мотивов, связанных с отражением в русской литературе реальных исторических лиц и событий, с другой, – как выявление специфики авторского подхода к изображаемому объекту, позволяющее судить о своеобразии его художественного мировосприятия и особенностях поэтической манеры.

Произведения Мережковского сложны для изучения не только потому, что представляют собой типы переходных эпических форм – они находятся «на грани разрыва» с реалистической поэтикой, поэтому не случайны двойные заглавия романов трилогии «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», «Антихрист (Петр и Алексей)». Одно из них указывает на исторический сюжет, другое – на центральный мономиф – «вторую действительность» или, говоря словами Д. Е. Максимова, «сверхсюжет», проецируемый в то же самое время на современность. Сложность изучения этих романов, как и всего творчества Мережковского, заключается еще и в том, что они представляют собой характерный для эпохи порубежья синтез философского (историософского) и художественного начал, поэтому осмысление романной поэтики и способов символизации обусловлено знанием сложнейших религиозно-философских и историософских идей писателя.

На рубеже XIX – XX веков неотъемлемой частью русского духовного бытия становится всеобщая мифологизация культуры. Стремясь создать идеальную культуру, символисты в мифе увидели универсальный метаисторический способ постижения действительности, богатейший источник вечных сюжетов и образов, а также возможность выхода за пространственно-временные и социально-исторические рамки «Метаисторичность» и «метаспсихологичность» художественных принципов Мережковского делают его одним из первых, кто «встал на позицию мифотворчества в эпическом повествовании»¹

¹ Рудяч В. Дмитрий Мережковский // История русской литературы XX век. Серебряный век. М., 1995. С. 222.

Символистское мифомышление в самом общем виде развивалось в двух направлениях как воскрешение древней мифологии в архетипических образах, сюжетах, и как неомифологизм, предполагающий авторское осмысление историко-культурного мифа и создание собственного концепта мифа. Специфика художественного метода Мережковского обусловлена ориентацией на поэтику мифа как архетипической структуры, поэтому центральным для его творчества является принцип неомифологизма (Д. Е. Максимов, З. Г. Минц), основу которого составляет авторская религиозно-философская концепция, органически связанная с философскими системами Ф. Ницше и В. Соловьева.

Выстраивание символистами своих сочинений по принципу частных реализаций нескольких базовых метасюжетов (ницшеанство, соловьевская софиология и т. п.) предопределило характерное для современной науки осмысление их наследия как единого «гипертекста», что, по замечанию А. Ханзена-Леве, «вполне соответствует символистскому самопониманию» и «представляет собой весьма интересную аналогию тезису о том, что каждый отдельный мифологический текст является “развертыванием” единого и единственного “мифа”»².

На современном этапе литературоведческий анализ обширного наследия Мережковского проходит в двух направлениях: исследование литературной критики и публицистики (работы С. Н. Поварцова, Л. Н. Фризмана и др.), анализ символистских взглядов писателя, отразившихся в его художественных произведениях (труды Е. А. Андрущенко, Л. А. Колобаевой, А. В. Лаврова, З. Г. Минц, В. В. Полонского, И. С. Приходько и др.)

Важным вопросом на пути постижения специфики художественного сознания, отразившегося в двух первых трилогиях Мережковского – «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», является жанровое определение входящих в них произведений. Ряд ученых (А. М. Ваховская, С. П. Ильев, Л. А. Колобаева, А. В. Лавров, З. Г. Минц, Я. В. Сарычев, Л. Силард) считает, что это романы особого типа – «историсофские» (Л. А. Колобаева). Другая группа литературоведов воспринимает романы трилогий как преимущественно исторические (такой точки зрения придерживаются Е. Любимова, О. Н. Михайлов, М. А. Никитина). Определяя разновидности внутри жанра исторического романа, А. В. Лавров относит произведения Мережковского к подвиду «историко-“археологическому”»³. Ю. В. Зобнин характеризует исторические романы писателя как

² Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб, 1999. С. 11

³ Лавров А. В. История как мистерия. Египетская диалогия. Д. С. Мережковского // Мережковский. Д. С. Мессия. СПб, 2005. С. 23

«уникальный сплав художественного и научного мышления»⁴, сближаясь с определенным 3 Г Мицц «романы мысли»⁵ В В Полонский пишет о «фикции жанра» применительно к романному творчеству Мережковского, утверждая, что уже первая трилогия «отстоит от жанровых клише классического исторического романа» Специфику историзма писателя исследователь обуславливает тем, что это «историзм мистериально-трагического толка»⁶ Многообразие жанровых трактовок произведений Мережковского подчеркивает **актуальность** и недостаточную разработанность этой проблемы

Несмотря на большое количество работ, в том числе и появившихся в последнее десятилетие диссертаций, посвященных определенным аспектам творчества Мережковского⁷, до настоящего времени нет обобщающего исследования, в котором бы анализ произведения осуществлялся, во-первых, с точки зрения особенностей художественного сознания писателя, во-вторых, на материале источников фольклорного характера, исторических и философских сочинений, объемно представляющих характеры и деяния Петра I и царевича Алексея, в-третьих, с выявлением места данного произведения в эволюции исторического жанра в русской литературе

Предметом исследования явился роман Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)», завершающий романную трилогию «Христос и Антихрист», а также философско-религиозные сочинения, труды из области теории символизма, литературно-критические работы писателя В целях уяснения природы творчества Мережковского и осуществления сравнительного анализа исторических образов привлекаются работы его предшественников и современников, как из сферы философии (Ф Ницше, В С Соловьев, В И. Иванов, Л И Шестов, В В Розанов, Н А. Бердяев, Н О Лосский и др), так и из области собственно художественного творчества (Н М Карамзин, Н В Гоголь, Л Н Толстой, Д Л Мордовцев, Г П Данилевский, А Белый, В Я Брюсов и др) Для проведения детального анализа принципа антиномии центральных образов Петра Великого, царевича Алексея и образа самого Петербурга используются труды

⁴ Зобнин Ю В Жизнь и деяния Дмитрия Мережковского СПб, 2004 С 74

⁵ Мицц 3 Г О трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» // Мережковский Д С Христос и Антихрист Трилогия М, 1989 Т 1 С 10

⁶ Полонский В В Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М, 2008 С 56, 152

⁷ Белоусова Е Г «Генерализующая поэтика» Д Мережковского (трилогия «Христос и Антихрист») Автореферат дисс канд филол наук Екатеринбург, 1998, Мосиенко М В Традиции древнерусской агнографии в прозе русского литературного модерна начала XX в (Л. Андреев, В Брюсов, Д Мережковский) Автореферат дисс канд филол наук Киев, 2001, Петров А В Историческая традиция русской литературы XIX в и драма Д. С Мережковского «Павел I» (Проблема власти) Автореферат дисс канд филол наук М, 1999, Сергеева Н М творчество Д С Мережковского 1890-1900-х годов специфика художественного сознания Автореферат дисс канд филол наук Кострома, 2009, Флорова Л Н Трилогия Д С Мережковского «Христос и Антихрист» История изучения и вопросы поэтики Автореферат дисс канд филол наук М, 1997, Чепкасов А В Неомифологизм в творчестве Д С Мережковского 1890-1910-х годов Автореферат дисс канд филол наук Томск, 1999 и др

отечественных историков XVIII – XIX веков (А И Герден, Н М Карамзин, В О Ключевский, Н И Костомаров, С М Соловьев, В И Фармаковский и др), а также источники фольклорного характера, которые отражают формирующиеся в народном сознании представления о Петре как Антихристе, что значительно углубляет тему исследования в религиозно-философском смысле (Н Б Голикова, Г В Есяпов, А С Лашкевич, Д А Ровинский, В Сахаров, К В Чистов и др)

Целью работы является исследование мифологичности центральных образов на основе изучения разнообразных источников, из которых создавался в русской культуре миф о Петре как Антихристе и миф о царевиче Алексее – его полярном двойнике, что определяет структуру данного символистского романа и структуру складывающегося в творчестве Мережковского «петербургского мифа» и «петербургского текста»

В соответствии с указанной целью работы в ней формулируются и решаются следующие задачи

- 1 выявить особенности философско-религиозной концепции Мережковского эпохи порубежья, этапы ее формирования и эволюции, органическую связь с философскими системами Ф Ницше и Вл. Соловьева,
2. на основе источников фольклорного характера, исторических, философских сочинений раскрыть содержание мифов о Петре Первом и царевиче Алексее,
- 3 рассмотреть действие принципа неомифологизма в романе Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»
- 3 1 на мотивном уровне показать действие принципа антиномизма, присущего художественному мышлению Мережковского,
- 3 2 продемонстрировать наличие двух уровней поэтики «внешнего» и «внутреннего», исследовать бинарный принцип в структуре романа (язычество – христианство, Христос – Антихрист, Петр – Алексей, Петербург – Москва),
- 4 охарактеризовать соотношение традиции и новаторства Мережковского в жанре исторического романа.

Научная новизна диссертационного сочинения состоит в использовании принципа описания, который позволяет существенно скорректировать представление о функционировании в художественном мире Мережковского важнейших категорий символа и мифа и объяснить взаимообусловленность этих категорий в пределах романа «Антихрист (Петр и Алексей)» Результаты проделанной работы углубляют понимание жанра исторического символистского романа, в котором археологическая, этнографическая традиция исторического жанра XIX века обогащена авторским

религиозно-философским учением, введением христианско-языческой концепции и соответствующей ей антиномической мифопоэтической моделью мира.

В качестве методологической основы исследования использованы принципы анализа художественного текста, заложенные работами М. М. Бахтина, анализа неомифологического текста (Д. Е. Максимов, З. Г. Минц), методы мотивного анализа (А. Н. Веселовский), анализа символистского текста (С. П. Ильев), элементы структурального анализа (Ю. М. Лотман), принципы рассмотрения эстетических категорий (А. Ф. Лосев), методы историко-литературного анализа текста (С. С. Аверинцев, А. В. Лавров, Л. К. Долгополов, В. А. Келдыш, Д. М. Магомедова, Е. М. Мелетинский, И. С. Приходько и др.)

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Роман «Антихрист (Петр и Алексей)» необходимо рассматривать в системе творчества Мережковского, основу которой составляет принцип неомифологизма. Религиозно-философская система Мережковского конца XIX – начала XX вв. с ее основополагающим принципом неомифологизма имеет сложный генезис в этот период эволюция взглядов писателя предстает от идеи двойственности к идее троичности и Мифу о Троице. Учитывая формирование религиозно-философской системы Мережковского в культурном контексте эпохи порубежья, ее органическую связь с философскими системами Ф. Ницше и Вл. Соловьева, можно предположить, что поворот в ней происходит от ницшевского имморализма и эстетизма в сторону соловьевского всеединства, «соборности» и христианства, отразившийся на проблематике произведений писателя начала 1900-х годов.

2. Художественное пространство Мережковского в значительной степени организуют важнейшие категории символа и мифа. Символы у Мережковского, зачастую построенные на основе аллегорий, благодаря связи с религиозно-философскими тяготениями автора, его неомифологическими построениями, становятся символами-идеями, символами-концептами, символами-категориями (Д. Е. Максимов)

«Ознаменовательное» (Вяч. Иванов) и «преобразовательное» (А. Белый) начала в мифологизации истории в романе Мережковского обусловлены, соответственно, раскрытием корней исконного мифа и созданием своего слова о личности

3. Мережковский реконструирует миф о Петре Первом «подмененный царь» во всех его версиях: 1) Петр подменен в детстве, 2) Петр подменен за морем, 3) Петра подменил антихрист, – и миф «Петр – антихрист», а также сформировавшийся параллельно с ними (в конце XVII – начале XVIII вв.) специфический миф о царевиче Алексее – «избавителе». Возникновение и распространение этих мифов происходило в исторической ситуации

раскола. Воспроизведение в романе старообрядческой среды позволяет писателю максимально широко отразить народное восприятие личностей и деяний Петра I и царевича Алексея. Исторически зафиксированное определение Петра как прогрессивного монарха, с которым связано будущее страны – глазами иностранцев и ближайших его сподвижников – представлено в романе в образе философа Лейбница. Мережковский противопоставляет «восточное» и «западное» направления в споре о пути развития России.

4. Подчеркнутая неоднолинейность в изображении первого русского императора достигается благодаря использованию писателем не только фольклорных, но и многочисленных исторических и литературных источников, исследованиям событий конца XVII – начала XVIII вв. Взгляды самого Мережковского на «смуту» петровского времени, вобрав все сомнения и чаяния прошедших лет, отразились в романе сквозь призму религиозно-нравственных исканий автора, легших в основу его философии, в частности, философии истории.

К интерпретации концепта переломной петровской эпохи Мережковский подходит, включая в создание мифа о Петербурге «Вьморочный» «страшный Парадиз» (Мережковский) в системе бинарной оппозиции Петербург – Москва обнаруживает творческое, созидательное начало, присутствующее, соответственно, и в образе создателя города.

5. Своеобычный метод работы Мережковского с историческим материалом объясняет множественность жанровых определений его произведений «романы мысли», «романы-мифы» (З. Г. Минц), «историсофские романы» (Л. А. Колобаева), «философские романы» (В. Рудич), «историко-археологические» (А. В. Лавров).

Роман «Антихрист (Петр и Алексей)» представил этап развития исторического жанра, появившегося на русской почве во второй половине XVIII века. Новый художественный синтез, лежащий в основе символистских романов, – соединение художественного фольклоризма вальтер-скоттовской традиции и метафизической глубины изображения исторических событий и лиц – наметился в 1862 году, в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный». Сопоставление романа Мережковского с предшественниками и современниками его в историческом жанре дает возможность утверждать, что Мережковский создал первый опыт русского историко-мифопоэтического романа, в котором археологическая, этнографическая традиции жанра исторического романа XIX века обогащена авторским религиозно-философским учением, введением христианско-языческой концепции и соответствующей ей антиномической мифопоэтической моделью мира.

Научно практическая значимость диссертации определяется тем, что ее методы, материалы, наблюдения и выводы могут послужить основой для дальнейшего изучения творчества Мережковского и других писателей-символистов. Научные результаты работы могут быть использованы при подготовке общих лекционных курсов по истории русской литературы, специальных курсов, семинаров и практических занятий по изучению творчества Мережковского, в научных исследованиях, посвященных различным аспектам творчества писателя

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в четырех научных публикациях и в докладах на международных научно-практической и филологической конференциях и на заседаниях аспирантского семинара кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы

Объем работы: 198 страниц, библиография включает 223 позиции

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование темы, определяется степень ее изученности, ее актуальность и новизна, объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также формулируются основные положения, предлагаемые к рассмотрению и анализу. Обзор литературоведческих и критических источников дает возможность оценить степень изученности проблемы и выявить те ее аспекты, которые до последнего времени остаются вне поля зрения исследователей

В первой главе «Место и роль Д. С. Мережковского в русском «религиозно-философском ренессансе» рубежа XIX – XX веков. Религиозно-философская концепция Мережковского как основа неомифологизма в его творчестве» обосновывается глубокое влияние Мережковского на формирование новых течений в литературе эпохи порубежья, а также определяются главные источники оригинальной религиозно-философской концепции писателя, точки соприкосновения ее с философскими системами Ф Ницше и Вл Соловьева.

Исследователи религиозно-философской концепции Мережковского (Н О Лосский, Н. А. Бердяев) выделяют три составляющих ее содержания: проблема «святой плоти» и связанный с нею «синтез» духа и плоти (религии и культуры), проблема церкви и «новой религии», «нового религиозного сознания», проблема социальной справедливости и «религиозной общественности»

Мировая история, по мысли Мережковского, проходит триединый процесс Язычество (как гезис) сменяется ангелизмом – церковным христианством (в отличие от истинного учения Христа) с его умерщвлением плоти и аскетизмом Историческое христианство исчерпало себя, и перед нами открывается царство «Третьего Завета», соединение плоти и духа.

В своем способе постижения истории, который Мережковский назвал «методом религиозно-исторического познания», он выделяет три элемента, три источника «первое знание, данное человеку. «я», бытие внутреннего мира личности – психология в самом широком смысле, второе знание – «не я», бытие внешнего мира – космология, третье – конец «я» и «не я» – эсхатология»⁸

Таким образом, для решения диссертационных задач необходимо пристальное изучение религиозно-философской системы Мережковского Его рационалистичность и «схематизм» не исключают динамичности, которая определила сложный генезис этой системы На проблематике произведений эпохи порубежья отразился поворот от антигетической тенденции, идеи двоemiрия (Ф. Ницше) к мифопоэтической концепции «тройственного устройства мира» (Вл Соловьев) от нищевского индивидуализма, имморализма и эстетизма в сторону соловьевского всеединства, народной «соборности» и христианства.

В истоке исторических романов Мережковского лежит мифопоэтическое мышление На этом сходятся все современные исследователи – З Г Минц, А В Лавров, Л. А Колобаева, Б Г Розенталь Как пишет Л. А Колобаева, «мифопоэтическое мышление движимо прежде всего не рационалистическим знанием, а вольной интуицией, которая влечет за собой символику бессознательного»⁹. При определении подхода Мережковского к факту, документу, в отношении к мифу, в их отборе и интерпретации применим термин «интеллектуальная интуиция» (Н О Лосский)

Полемизируя с историками-позитивистами, Мережковский замечает «Легенды не история . Но иногда за легендой – высшая правда истории » Душа народов – предмет истории «Что для души человеческой сновидение, то для души народа легенда Скажи мне, что тебе снится, и я скажу тебе, кто ты, скажи мне, какие у тебя легенды, и я скажу тебе, какой ты народ»¹⁰

Таким образом, творческий принцип Мережковского обусловил специфический метод обработки им исторического материала Реальные исторические лица и события в религиозно-мифологической интерпретации писателя приобретают своеобразный статус

⁸ Мережковский Д. С Тайна Запада. Атлантида – Европа Белград, 1931 С 18

⁹ Колобаева Л. А Мережковский – романист // Известия АН ОЛЯ 1991 Том 50 № 5 С 447

¹⁰ Мережковский Д. С Было и будет Дневник 1910-1914 Пг, 1915 С 136

характеров-символов с этим связана символическая природа мифа, творимого в эпоху порубежья. Обоснование символического характера мифа дает А. Ф. Лосев. «Всякий миф является символом уже потому, что он мыслит себе общую идею в виде живого существа, а живое существо всегда бесконечно по своим возможностям»¹¹

Основой жизнестроительного мировидения Мережковского является стремление найти что-то, что соединит философию с жизнью, найти единую концепцию человека в мире, «сосредоточенный образ мира», «аббревиатуру явления» (Ф. Ницше). С этой задачей связано «ознаменательное» (Вяч. Иванов) начало в творчестве писателя, с характерным для него поиском «единого Мифа русской или общечеловеческой культуры, универсального космогонического Мифа»¹²

В то же время можно говорить о «преображении» (А. Белый) в творчестве Мережковского¹³, ибо он не только раскрывает корни исконного мифа, но и создает *свое* слово о личности. «Поэтический миф нового времени – это построенная с помощью авторской фантазии моделирующая «вторая действительность», взятая в метаисторическом плане или превращенная в фантазмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории», – считает Д. Е. Максимов¹⁴

Поэтому в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» Мережковский, раскрывая сложность и неоднозначность характера Петра Великого, опирается не только на исторические факты или исторический вымысел, на бытовавшие в XVIII веке в народе мифы о Петре Первом (Петр – «подмененный царь», Петр – «Антихрист» и др.), но выражает и субъективное понимание личности Петра, неотделимое от религиозно-философской концепции писателя.

Основу религиозно-философской концепции Мережковского составляют философские системы Ф. Ницше и Вл. Соловьева. Ницшевский имморализм не укладывается в важнейшую для Мережковского идею синтеза язычества и христианства. Кроме влияния Ницше, следует учитывать взаимосвязь идей Мережковского и Вл. Соловьева, прежде всего, – идеи Богочеловечества и теократии, идеи об освященной плоти и др.

Полемика с Ницше, стремление преодолеть идею двоимирия, мучительный поиск соотношения двух «правд» – Божеской и человеческой, жажда синтеза в новом,

¹¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 174.

¹² Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских писателей-символистов // Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 79.

¹³ См., например, Быстров В. Н. Идея преобразования мира у русских символистов (Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок). Дисс. д-ра филол. наук (10 01 01). СПб., 2004.

¹⁴ Максимов Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике А. Блока // Блоковский сборник III. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 5-6.

апокалипсическом христианстве – религии Святого Духа, третьей ипостаси Божественной Троицы, - идея Новой церкви, окончательно оформившаяся у Мережковского к 1899 году, вдохновила писателя на создание заключительного романа трилогии «Христос и Антихрист» и трактата «Л Толстой и Достоевский»

Толстой и Достоевский в мистической интерпретации Мережковского – два грандиозных образа-символа русской культуры, каждый из которых с совершенной полнотой воплотил одну из метафизических «бездн» - бездну плоти (Толстой) и бездну духа (Достоевский)

Очевидно, что эпоха порубежья ознаменована для Мережковского попыткой преодоления дуализма, стремлением к синтезу, что выражалось, соответственно, в мифопоэтической концепции «тройственного устройства мира»

В миф о Троице у Мережковского включается идея Богочеловечества или Абсолютной Личности Совершенная личность, по мнению Мережковского, та, в которой органично соединены «дух – душа – плоть», идеалом общественного устройства выступает Царство Третьего Завета, религии Троицы как синтеза противоположных начал

Миф о Троице как преодолении раздвоенности бытия разворачивается у Мережковского в сложном комплексе культурфилософских идей. идеи сверхчеловека и Богочеловека, плоти и духа, Антихриста и Христа

Мы приходим к выводу, что идеалом Мережковского в результате синтеза богословских, философских идей становится мифический человек, связанный с учением о Троице, Богочеловек или Абсолютная Личность, каким явились центральные герои трилогии «Христос и Антихрист» Юлиан Отступник, Леонардо да Винчи, Петр Великий

Вторая глава диссертации – «Миф о Петре Первом в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»» - состоит из двух параграфов

В §1 «Историческое» и «мифологическое» в образе Петра Великого. Царь-преобразователь в русском фольклоре, в восприятии современников и в интерпретации исследователей» - анализируются источники фольклорного характера, содержащие версии мифов о Петре Первом, специфический антипетровский миф о царевиче Алексее, а также исторические и философские сочинения, связанные с именем и деятельностью Петра.

Оба мифа о Петре («Петр – антихрист» и «подмененный царь») формируются примерно в одно время и связаны с историческим явлением раскола в русском обществе В раскольничьей среде сформировалось отношение к делу Петра, как к измене христианству, возвращению к язычеству» - к хаосу, который предельно сближен со смертью, с хтоническими силами. Как следствие этого в народе, поддерживавшем

старообрядцев, родилась мысль о том, что « государство русское лишено благодати божией и состоит под влиянием дьявола»¹⁵, - и возник миф о Петре – антихристе

Уверовав вначале, что Петр «опутан злыми людьми», народ стал молиться за царя, но молитвы не помогали Тогда, как реакция на «прогрессирующее онемечивание» православного государя, возникает догадка Петр – не русский, и, как следствие этого, - миф о мнимом происхождении Петра. В дальнейшем мы имеем дело с развитием этой мысли «Петр – самозванец, незаконный государь», «Петр – жидовин из колена Данова», «Петр – антихрист, он хочет истребить на земле благочестие»¹⁶

Говоря о противоречивости образа Петра Первого в русском фольклоре, следует все же признать, что исторически противоречивой была прежде всего деятельность Петра, а не только народное сознание, отразившее ее в специфических фольклорных формах

Миф о «подменном царе» (о котором писали С М Соловьев, В О Ключевский и др) связан с представлением об исключительности царского рода и разочарованием в реформаторской деятельности Петра. Возникновению мифа о «подменном царе» содействовало то, что в самые ответственные моменты жизни потешного войска, флота, а потом государства Петр нарочито выступал в «черном» обличе – служилого иноземца Питера, дьякона «всешутейского собора», ротмистра, бомбардира, шкипера, капитана, урядника Петра Михайлова, корабельного плотника Петра Алексева.

Характерно, что ни в одном варианте мифов Петр не изображался крестьянским царем, следовательно, народ не связывал с ним надежды на освобождение от «крепости» Свидетельство этому – возникновение в петровское время мифа о возвращающемся «избавителе», связанный с именем политического антагониста Петра, его сына Алексея

Отношение Петра к религии были достаточно сложными. Он искренне ненавидел старомосковское благочестие Эта ненависть возникла в нем после стрелецкого бунта, когда на глазах будущего императора были растерзаны два его дяди Суеверное, темное, нехристианское по своей сути святошество преследовало Петра в самом интимном кругу, приняв облик странников, юродивых, кликуш, бывших в окружении его первой жены

В то же время Петр оставался примерным прихожанином, соблюдал православные обряды, в письмах часто и искренно обращался к Богу, прекрасно понимая необходимость церковной опоры государства. Но тот же Петр устроил кощунственную свадьбу патриарха, казнил архиереев, снимал колокола, отдавал в солдаты духовенство Таков был этот человек, сотканный из противоречий, и такова была переломная эпоха, соединившая в себе несоединимое

¹⁵ Фармаковский В И О противогосударственном элементе в расколе // Отечественные записки 1866 г Т 169 С 499

¹⁶ Там же

Личность Петра Великого в оценках современников и исследователей так же поразительно противоречива, при этом следует отметить перемену воззрений на Петра у одних и тех же авторов

Так, сравнив произведения Н М Карамзина – «Письма русского путешественника» (1792) и «Записку о древней и новой России» (1811), очевидно, что в основе перемены взглядов историка лежит констатация продолжение дела Петра по линии подражательства, а не творчества, стирание национального «лица» ведет не к цивилизации, а к одичанию

Карамзин окончательно сформулировал (до него в этом направлении мыслили М М Щербатов, И Н Болтин, Е Р Дашкова, Д И Фонвизин, после – А И Герцен) важнейшую, с нашей точки зрения, содержательную оппозицию в осмыслении деяний Петра Первого: 1 своими новациями Петр подключил русских к мировому человечеству, 2 подражательство Петра Западу положили начало «обезьянничеству», т е одичанию русских

В §2 второй главы диссертации - «Миф о Петре Первом в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»» - проанализирован образ Петра Первого, каким явлен он в религиозно-мистической интерпретации Мережковского, стремившегося в своем романе не столько реконструировать концепт переломной петровской эпохи, сколько создать историсофскую, символически-провиденциальную картину, проливающую свет сквозь образы прошлого на грядущие судьбы России и мира.

Центральные образы романа – Петр Первый и царевич Алексей – воплощают, соответственно, «языческие» и «христианские» устремления в их противоположной направленности, являя тем самым две правды и две неправды одновременно. Следовательно, антитеза – это содержательный центр, с помощью которого формируется основная антиномия, раскрывающая противоречивость и трагичность образа первого русского императора в трактовке Мережковского, сложное и неоднозначное отношение к нему писателя. Двойственна натура Петра «родственность» стихийному природному началу сближает ее с хаосом, со смертью, и – одновременно – идея возрождения России, воплощенная в петровских свершениях, является символом, который можно интерпретировать как творческую «космизирующую» деятельность

Подчеркнуто неоднолинейное истолкование Мережковским личности Петра и его дела должно означать принятие всех «за» и «против» в петровских свершениях, но не отрицание в старообрядческо-славянофильском духе.

Таким образом, двоящийся герой, каким является в трактовке Мережковского Петр Первый, воплощает две диаметрально противоположности в одном лице – это полный

(или синтетический) двойник Помимо него, существует также антагонистическая пара, члены которой – Петр и Алексей – идейные противники – тоже являются двойниками Сопоставление образов Петра и Алексея обнаруживает не только их противоположные черты, но и глобальное их сходство, единство При этом следует обратить внимание, что, как правило, в глазах иностранцев Петр – прогрессивный монарх, с именем его связано будущее страны и даже – шире, глубже – миссия России – объединение Востока и Запада – эмпирического и рационалистического, помысли Лейбница в романе Народ, напротив, не понимает и не принимает политики царя, по-разному толкуя поведение его, недостойное благочестивого самодержца царь болен, одержим бесами, нужно молиться за него, и – царь – проклятый, враг, чужой (Мережковским реконструируется миф о «подмененном царе» в разных его версиях в устах раскольников самозванец, нерусский, немец, жидовин из колена Данова, наконец, антихрист) – поэтому его презирают, боятся, ненавидят и жаждут его смерти

К интерпретации концепта переломной петровской эпохи Мережковский подходит, включая в создание мифа о Петербурге Образ «страшного Парадиза» столь же противоречив, как и образ его демиурга.

Двойственность Петербурга обнаруживается как в том, что это псевдозападный город (парадокс «нерусскости» православного государя народное сознание проецировало на царское детище, Петербург), так и в системе бинарной оппозиции Петербург – Москва. Но значения эти, разворачиваясь в ряду конкретных образов, доходят до смысла, совершенно противоположного первоначальному Так, самосожжение раскольников обнаруживает идею насильственного разрушения и уничтожения, а сцена петербургского наводнения и центральная в ней фигура Петра несет в себе идею сохранения, спасения и созидания

Таким образом, «историческое» и «мифологическое» теснейшим образом переплетаются при осмыслении писателем-философом образа Петра Великого, являют движение от реальности к символу и – наконец – к мифу, как средству собственной идентификации его создателя

В третьей главе диссертации – «Миф о царевиче Алексее в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»» - рассматривается эсхатология метафизической концепции Мережковского на уровне изучения мономифа о царевиче Алексее, на которого спроецированы черты Алексея – человека Божия

В § 1 третьей главы – «Миф о царевиче Алексее как феномен народного сознания петровской эпохи» - описаны два полярных мифа о царевиче, отражение сути которых

содержится в романе Мережковского и определяет дуалистическую природу художественного образа сына Петра Великого.

Миф о царевиче Алексее имеет две стороны, два духовных подтекста, связанных с тем, что идеологические доминанты творцов мифа о царевиче были диаметрально противоположны. Можно предположить, что основу «народного» мифа о царевиче составляет имя-миф царевич был наречен Алексеем в честь святого Алексия – человека Божия, страдальца, которого «не признал» собственный отец, страдальца во имя Христовой веры, гонимого и непоятого.

Сторонники дела Петра I создают свой миф о царевиче, согласно которому Алексеем принято изображать ничтожным, ограниченным, подверженным различным порокам человеком. Такой подход к пониманию исторической драмы начала XVIII века существует и доныне в работах представителей Санкт-Петербургской и Московской школ – историков Н. И. Павленко и Н. Н. Молчанова. Причину неприятия позиции Алексея в этой драме раскрывают слова, приписываемые историей Петру: «Мы от тьмы к свету вышли». Царевич был противником реформ Петра, следовательно, – противником движения к свету.

В своей интерпретации исторической драмы Мережковский отошел от традиционного представления об Алексее как противнике всего нового, защитнике старой, допетровской Руси. На страницах романа постепенно формируется идеал Алексея – духовное преображение и единение мира.

В §2 третьей главы – «Миф о царевиче Алексее в трактовке Д. С. Мережковского» – подробно исследуются бытовавшие до и после гибели царевича мифы о самозванцах, используемые Мережковским в процессе создания своего текста-мифа.

В 30-50 годы XVIII века на исторической сцене действуют около полутора десятков самозванцев, причем шестеро называют себя именем Алексея Петровича.

Самозванчество 1731-1733 годов историк, архивист XIX века Г. В. Есипов связывал с манифестом 16 декабря 1831 года «Об учинении присяги в верности наследнику всероссийского престола, который от ее императорского величества назначен будет», требовавшим присяги неведомому наследнику. Порядок престолонаследия оставался неясным – прямого наследника не было, вместе с тем «манифест возбуждал мысль о том, что в действительности он где-то есть»¹⁷

Одну из сюжетных линий романа, связанных с интерпретацией образа Алексея, составляет миф о самозванце, в исследованиях Есипова датированный 1732 годом. Самозванец под именем Алексея Петровича заявлял о своем праве на престол и обещал

¹⁷ Есипов Г. В. Люди старого века. СПб., 1880. С. 434.

народу «за веру и правду» милости заключение мирного соглашения с Турцией, отмену подушной подати и т. п

Легенда о царевиче Алексее прошла в своем развитии с 1710-х по 1730-е годы фазы становления, апогея и упадка. Создаваясь народом, она реализовывалась в поведении ее конкретных носителей. То были своего рода переменные члены уравнения, в котором константой была вера в «истинность» носителя имени царевича Алексея. Поэтому арест очередного самозванца не влиял на жизнеспособность самой легенды. Она началась с веры в чудесное спасение царевича, вместо которого умер или убит кто-то другой. В романе «Антихрист (Петр и Алексей)» отголоски этой веры звучат из уст персонажей-старообрядцев.

На передний план в ситуации исторической драмы начала XVIII столетия и – в отражении ее в романе – выходило ожидание избавителя, бывшее сродни ожиданию христианского Мессии. Сближение неслучайное, поскольку бытовая религиозность составляла важнейшую часть народной культуры («Дабы постояли вы за старую веру»), – обращается в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» самозванец к своим слушателям, добавляя, что откроет «Городище, в коем есть знамение Пресвятая Богородицы, и Евангелие, и Крест...»¹⁸

В контексте романа Мережковского важно, что разнообразные по своему характеру факты имели между собой много общего и свидетельствовали о том, что, с одной стороны, ожидание «избавителя» продолжало нагнетаться и, с другой стороны, в качестве одного из «избавителей» продолжительное время назывался царевич Алексей. Ожидание народом «избавителя» в сложную, переломную петровскую эпоху оказывается близким духовным поискам самого писателя, все явления истории и культуры осмыслявшего как форму становления единой мистической идеи.

Четвертая глава диссертации – «Традиции и новаторство Д. С. Мережковского в жанре исторического романа»

В §1 четвертой главы – «Развитие русского исторического романа в XIX – начале XX вв.» – прослеживается эволюция исторического жанра в творчестве русских писателей.

Предромантики и сентименталисты подготовили почву, на которой сложился жанр исторического романа. В мировой литературе основоположником этого жанра был Вальтер Скотт. В его произведениях изображался «действительный мир», воссоздавались характеры подлинных исторических деятелей, археологически и этнографически детально описывались быт, обычаи, верования конкретной эпохи.

¹⁸ Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. Трилогия. Т. IV. Антихрист (Петр и Алексей). М., 1990. С. 238.

Тип романа, созданный В Скоттом, разрабатывался на материале русской истории в первой половине XIX века М Н Загоскиным, И И Лажечниковым, Н А Полевым, А С Пушкиным, М Ю Лермонтовым, Н В Гоголем и др. Описывая исторические события, писатели сгущали характеристики тех или иных героев, что способствовало усилению психологизма. Универсальному общечеловеческому характеру этого психологизма способствуют фольклорные стилизации, придающие повествованию черты национально-родового начала. К этой традиции примыкает роман А К Толстого «Князь Серебряный» (1862), в котором, говоря словами исследователя творчества писателя, С Ф Васильева, «сопряжены реальный и мистериальный планы»¹⁹

Проблема перехода от фантастики к истории оказывается в контексте проблем глобального историко-литературного движения «от «готической» литературы к историческому роману»²⁰ Данная закономерность отмечена в работах Б Г Реизова, Ю В Манна, М Б Ладыгина²¹. Прогресс в решении проблемы «готической» литературы намечился благодаря исследованиям В Э Вацура, Н В Измайлова, М Б Ладыгина, Б Ф Егорова²² Источником трудностей была неразработанность вопроса о художественных принципах произведений, тяготеющих к «готике»

В применении к отечественным вариантам «готической» литературы этот термин используется в достаточно широком специфическом значении. С Ф Васильев приводит комплекс признаков, включающий в себя «...двоемирие фантастического и реального, где фантастическое чаще сопряжено с миром inferнальным, дьявольским, взаимообусловленность, взаимодействие и взаимопроникновение этих миров, на пересечении которых находится главный герой, связанная с этим трагическая вина героя и его дезориентация в окружающем мире, зачастую приводящие к его к сумасшествию или гибели, отчетливая антирационалистическая направленность этих произведений, не позволяющая до конца объяснить то или иное событие сюжета»²³

Одним из главных признаков «готической» литературы является прямое вторжение сверхъестественной (потусторонней, ирреальной, inferнальной) стихии. Эта стихия имеет ярко выраженный деструктивный характер. По мнению М. Б. Ладыгина, «центральная тема «готической» литературы – это судьба человека, взятая в

¹⁹ Васильев С Ф Проза А К Толстого направление эволюции и контекст Ижевск, 1989 С 46

²⁰ Там же С 47

²¹ Реизов Б Г Творчество Вальтера Скотта. М, Л, 1965, Манн Ю В Эволюция гоголевской фантастики // К истории русского романтизма. М, 1973 С 219-258, Ладыгин М Б Романтический роман М, 1981

²² Вацура В Э Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII и начала XIX века XVIII век. Сб 8 Л, 1969 С 190-209, Измайлов Н В Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века История и проблематика жанра. Л, 1973 С 135-169, Егоров Б Ф Борьба эстетических идей в России середины XIX века Л, 1982

²³ Васильев С Ф Проза А К Толстого направление эволюции и контекст Ижевск, 1989 С 8

пограничные моменты существования. С этим связана своеобразная внутренняя динамика ее сюжетов. С одной стороны, повествование «готического» романа группируется вокруг одного основного события, заключенного в сравнительно небольшие хронологические рамки. С другой стороны, сюжетно и хронологически ограниченная «черная» литература соприкасается (хотя и не всегда с прямой очевидностью) с универсальной эсхатологической проблематикой, затрагивающей учения о конце мира и человека.»²⁴

Специфические особенности русской «готической» литературы обусловлены влиянием на нее, с одной стороны, фольклорных легенд, сказаний, содержащих мотивы общения с потусторонним миром и разрушительного проникновения потусторонних стихий в реальный мир, с другой стороны, сочинений мистиков, благодаря которым в этой литературе актуализируются эсхатологические мотивы (М. Б. Ладыгин)

Сосуществование формы «готической» литературы и формы исторических романов, повестей, рассказов позволяет говорить как о смешении жанров, так и о процессе движения «от «готической» литературы к историческому роману» (С. Ф. Васильев). Однако к середине XIX века традиция «готической» литературы замирает, в то время как исторический жанр успешно развивается.

Вершиной русского исторического романа XIX века явился роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863-1868). Новым в развитии жанра исторического романа было применение Толстым принципа «диалектики души». В соответствии с ним главным для писателя при изображении исторических личностей прошлого было найти к ним «психологический ключ», совместить в одном произведении подробную детализацию в изображении быта, психологии человека и всемирно-исторические обобщения.

Параллельно с развитием классического исторического романа, представленного творчеством Л. Толстого, в 1860 – 1870-е годы сосуществовали две самостоятельные ветви историко-авантюрной и историко-этнографической. Первая связана с именами Е. А. Салиаса, Е. П. Карновича, В. С. Соловьева, вторая нашла отражение в романах и повестях Д. Л. Мордовцева 1870 – 1880-х годов, посвященных истории раскола на Руси и жизни Украины XVII века. Центр внимания в них перемещается с вымышленной авантюрно-мелодраматической фабулы на динамику исторических коллизий. История здесь уже не фон, не пассивная «колоритная рамка», обеспечивающая этнографическую красочность в изображении старины, – история превратилась в объект художественного изучения. Особенность романного искусства Мордовцева – замедленное течение времени, внешнюю ускоренность действий сменяет динамика внутреннего мира героя.

²⁴ Ладыгин М. Б. Романтический роман. М., 1981. С. 27

Как показало исследование, исторический жанр вмещает в себя множество направлений, своему появлению и формированию обязанных не только традициям русской литературы, но и западному влиянию на русскую культуру в целом В этом ключе необходимо рассматривать дальнейшее развитие жанра исторического романа – на рубеже XIX – XX веков

В §2 четвертой главы – «Традиции и новаторство Д. С. Мережковского в жанре исторического романа» - выявляется своеобразность романного метода Мережковского на фоне наиболее ярких, значительных представителей исторического жанра среди современников писателя

Выбор творческих приемов, в частности, принцип декоративного историзма, В Я Брюсов основывал на характерной для исторической философии начала XX века теории самозамкнутых цивилизаций Поэтому в романах «Огненный ангел» (1907), «Алтарь Победы Повесть IV века» (1911), повести «Ряя Сильвия» (1914) автор подчеркивает экзотичность изображаемой эпохи, «насыщая и перенасыщая» свои произведения «археологическими реалиями и лексическими латинизмами»²⁵

Общим в творческом методе Мережковского и Брюсова является осмысление настоящего сквозь призму исторического прошлого, поиск в прошлом ответов на актуальные вопросы современности С подобной установкой связана такая черта символистского исторического романа, как модернизация психологии персонажей

Иррациональная историософская концепция Андрея Белого, отраженная в романе «Серебряный голубь» (1909), перекликается с метафизикой Мережковского отрицание современной «азиатской», косной, «больной» России во имя грядущей России, очищенной духовно и нравственно Подобное понимание образа Родины как сложного двуединства не сводимо однозначно к западнической или славянофильской интерпретации В то же время учению Мережковского о «двух безднах» Белый противопоставляет свое понимание сектантства «Философия» духовного вождя «голубей» Кудеярова весьма далека от чаяемого Мережковским синтеза «духовного» и «телесного», «восточного» и «западного», православия и язычества. Она строится на подмене одного другим, на обманном превращении одного в другое

В романе «Петербург» (1913) Белый, осмысляя события революции 1905-7-х годов, подводит символические итоги «западного» периода ее развития Характерно понимание дела и личности Петра Первого центральная в рамках «петербургской» темы романа

²⁵ Гаспаров М. Л. Поэтика «Серебряного века» // Русская поэзия Серебряного века Антология / Отв ред И В Корельская, М. Л. Гаспаров М., 1993 С. 154

фигура Медного Всадника, скорее, должна означать пушкинскую традицию в оценке первого императора, чем отрицание в старообрядческо-славянофильском духе

Субъективное ощущение исторического прошлого – важная черта популярного у русских символистов метода ретроспективной стилизации. Эта особенность сближала их с романтиками 1830-х годов. Определение стилизации дал один из ее мастеров М. А. Кузмин: «Стилизация – это перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в точную литературную форму данного времени»²⁶. Метод писателя, получивший название «кларизм», основывался на выполнении требований стройности, четкости, логики, чистоты стиля и строгости формы. Кузмин, однако, не всегда последовательно воплощал этот метод в своем творчестве. Его исторические произведения – повесть «Приключения Эме Лебефа» (1907) и роман «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1919), – имеют разноречивые оценки – в зависимости от того, находит ли читатель наличие второго плана, метод воспринимается как внешнее подражание авантюрно-историческим романам эпохи рококо или как сочетание «простой и мудрой» метафизики с «ясной исторической интуицией, передающей весь аромат эпохи»²⁷.

Как ни различны были искания ведущих писателей-символистов, все они, по мнению исследовательницы Л. Силард, «стремились к созданию таких творений, в которых разные планы бытия просвечивали бы друг сквозь друга, и вся эта ценностно иерархизированная система переносила бы читателя из эмпирии в мир платоновских «эйдосов», кантовских «априорных истин», «довременных подлинников» (так переводили они «архетип» Платона) или «сверхчувственных реальностей» Вяч. Иванова»²⁸.

Своеобычность творческого метода Мережковского обусловлена не только масштабным поиском «архетипов», но сочетанием внешних эффектов, ярких и драматических поворотов сюжета с историческими фактами и реалиями, основанными на историософской концепции автора.

Центральным выводом диссертационного исследования, приведенным в **Заключении**, служит следующий тезис: основополагающей идеей художественного мира Мережковского является идея триничества и синтеза как преодоления идеи дуальности (теза – антитеза – синтез). Мережковский создал первый опыт русского историко-мифопоэтического романа, который построил в виде синтеза историософских представлений Ф. Ницше и Вл. Соловьева, наполнив их собственным религиозно-философским учением.

²⁶ Кузмин М. А. Условности. Статья об искусстве П, 1923 С 78

²⁷ Эйхенбаум Б. Н. О прозе Кузмина // Эйхенбаум Б. Н. Сквозь литературу Л, 1924 С 201

²⁸ Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX – начала XX вв // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984 С 306.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

1 Миф о Павле I в одноименной драме Д. С. Мережковского // Sciences and humanities современное гуманитарное знание как синтез наук Мосты памяти СПб, 2005 С 156-161

2 Миф о Петре I в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Герменевтика в гуманитарном знании Материалы международной научно-практической конференции СПб, 2006 С 117-120

3 Традиции и новаторство в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Материалы XXXV международной филологической конференции Вып 17 История русской литературы СПб, 2006 С 138-145

4 Принцип двоения в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер 9 Вып 1 Ч 1 СПб, 2007 С 15-18

ОНУТ факультета филологии и искусств СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
Подписано в печать 07 10 09
Тираж 100 экз